

ВИТТГЕНШТЕЙН

Л. Голдстейн

ЭКЗАМЕН ПО PH.D. ВИТТГЕНШТЕЙНА: ВОССОЗДАНИЕ СОБЫТИЯ

(Laurence Goldstein. Philosophy, 74, 290, pp. 499-513).

«Логико-философский трактат» Людвиг Витгенштейна сыграл огромную роль в становлении аналитической философии. Члены знаменитого «Венского Кружка», как говорят, в течение двух лет изучали на семинарах эту работу, обсуждая каждую ее строчку. Любой студент, изучающий современную философию, обязан знать ее. Другими словами, «Трактат» стал философской классикой, невзирая на то, что позднее сам Витгенштейн отказался от идей, изложенных в ней.

Между тем, «Трактат» представляет собой чрезвычайно трудную работу для чтения и усвоения его идей. Существует огромное число интерпретаций «Трактата», и никоим образом нельзя представлять себе, что в нем содержится завершенная философия. Больше того, значительная часть его идей высказывалась ранее другими философами еще до Витгенштейна, и это обстоятельство не делает понимание этого произведения как завершенной системы философских взглядов более легким делом.

Влияние Витгенштейна на современную философию, тем не менее, часто преувеличивается. Вот мнение видного британского философа сэра Энтони Квинтона, высказанное им во время исполнения обязанностей директора Британского Музея: «В англоговорящем философском мире Витгенштейн остается объектом культа, раздуваемого и развиваемого кружком предающихся самоуничтожению учеников, которыми он окружил себя после своего возвращения из Австрии в Кембридж в 1929 году до конца своей жизни. Для большинства не входящих в этот узкий круг преданных учеников Витгенштейн является объектом необычного, даже пугающего культа». Последнее время появились работы, в которых подвергается сомнению важность «Трактата» для современной философии. В них дается более взвешенная оценка значимости этой работы, оценка, входящая в противоречие с культом личности Витгенштейна. Можно только приветствовать такие работы, и надо непременно знакомить с ними всех изучающих философию, с тем, чтобы у них складывалось более адекватное мнение о ее современных героях.

Такой цели служит представляемая статья профессора университета Уэллса, Свонзи. Лоуренса Голдстейна. Статья представляет вымышленную историю, связанную с защитой Ph.D. Витгенштейном. В уста экзаменаторов – Б. Рассела и Дж. Мура – автор вкладывает те критические замечания, которые мы, по прошествии 70 лет, можем предъявить Витгенштейну. Значительная ее часть основана на подлинных событиях, так или иначе связанных с пребыванием Витгенштейна в Кембридже и с его отношениями со своими экзаменаторами.

Статья богата ссылками документального характера. В переводе на русский язык мы сознательно опустили почти всех из них, поскольку там указаны современные публикации, в которых обсуждается соответствующие вопросы по содержанию «Трактата». Тем более, что сам профессор Голдстейн рекомендует в статье при первом ее чтении игнорировать все ссылки. При желании читатель может обратиться к журналу “Philosophy”, том 74, 1999 года, стр. 499–513, для более полного ознакомления с описываемой в статье ситуацией.

Я хотел вы выразить благодарность профессору Л. Голдстейну за разрешение напечатать статью на русском языке, а также за разъяснение английских каламбуров, не воспроизводимых на русском языке.

(18 июня, 1929 года; комната в Кембридже. Дж. Мур курит трубку, шагая по комнате. Входит Бертран Рассел.)

Рассел: Добрый вечер, Мур. Эта работа – никогда не видел ничего более абсурдного в своей жизни¹.

Мур: И я не встречал, но я верю, что встречал².

¹ Хотя эта статья представляет вымысел, некоторые из предложений, включая приведенные выше, действительно, согласно воспоминаниям Рассела, были произнесены на экзамене.

² С именем Мура ассоциируется парадокс при произнесении фразы формы «не имеет места *p*, но я верю, что *p*» (она парадоксально потому, что любое такое произнесение должно казаться истинным, но все же есть некоторая абсурдность в искреннем произнесении этой фразы индивидом). Этот парадокс обсуждался Муром в Клубе Моральных Наук в Кембридже в 1944 г. На следующий день Витгенштейн написал Муру: «Указание на то, что «абсурдность» на самом деле в чем-то *похожа* на противоречие, хотя и не является им, столь важно, что я *надеюсь*, что вы опубликуете свою статью. Между прочим, не удивляйтесь, что я говорю о «подобии» противоречию. Грубо говоря, это означает следующее: абсурдность играет подобную роль в логике. Вы что-то говорили о *логике* утверждения, а именно: имеет смысл говорить «Давайте предположим: *p* имеет место, и я не верю, что *p* имеет место», в то время как *не* имеет смысла говорить, что «*p* имеет место, и я не верю, что *p*». Это утверждение должно быть исключено, и исключено на основании «здравого смысла», точно так же, как это сделано с противоречием. И это просто показывает, что логика просто не является тем,

Рассел: Вы сядете здесь или там?

Мур: Да³.

(Рассел закатывает глаза и занимает кресло. Затем садится Мур).

Рассел: Я полагаю, мы готовы. М-р Витгенштейн, пожалуйста, заходите.

(Входит Витгенштейн).

Рассел: Пожалуйста, садитесь.

(Витгенштейн садится).

Рассел: Как вы знаете, мы здесь для того, чтобы обсудить ваш *Трактат*, который вы представили в качестве докторской диссертации⁴. Я полагаю, что нам не нужно говорить по всему тексту. Мы уже делали это в Гааге вскоре после войны⁵, и вы объяснили мне его содержание, но ваши идеи столь тонки, что я забыл их. Вы полагаете, что мое введение к книге проявило полное ее непонимание⁶, и быть может, вы правы в этом. И все же я озадачен, так как есть в тексте такие места, например, метафизические разделы в начале теории и теория суждений, которые прямо следуют из моих собственных работ. Далее, есть положения, которые кажутся мне абсолютно ясными. И такие, которые кажутся мне явно ошибочными.

чем ее воображают логики. В частности: это противоречие не единственное, как это полагают. Это не *единственная* логически недопустимая форма.» «Логики», о которых говорит Витгенштейн, включают его самого на раннем этапе. Обсуждение Мура натолкнуло Витгенштейна на логическое различие между использованием глагола «верить» в случае первого лица, и его использованием в других временах и других лицах. Исследование концепции *веры* в поздних сочинениях Витгенштейна превосходит неясный и неправдоподобный анализ этого понятия, предложенный им в *Трактате*.

³ Мур известен своей шуткой относительно этой формы, которая, хотя она кажется хилой, ведет к интересному анализу терминов в косвенных речевых актах, и “conversational implicature” Грайса.

⁴ За семь лет, прошедшие со времени публикации книги, она была признана классикой, – и отсюда как раз и замечание Рассела об абсурдности в начале статьи. Заключение о том, что Витгенштейн достоин доктора наук, было уже давно готово.

⁵ В середине декабря 1919 г. в письме леди О. Морелл из Гааги от 20 декабря после ежедневного обсуждения книги с Витгенштейном в течение недели, Рассел написал «Я думаю сейчас о ней даже лучше, чем до того. Я чувствую, что это действительно великая книга, хотя я не уверен, что она верна.»

⁶ «поверхностность и непонимание» – это все, что, согласно Витгенштейну, осталось от расселовского *Введения*, поскольку тонкости расселовского стиля исчезли при переводе *Трактата* на немецкий язык.

Витгенштейн: Это невозможно. Мои взгляды совершенно неизвисты и четки⁷.

Рассел: Я полагаю, что мы не продвинемся далеко, если вы будете занимать такую позицию. (Обращаясь к Муру) – Продолжайте, задайте ему несколько вопросов – ведь руководитель же вы⁸.

Мур: Все правильно. До того, как я предложил Спинозистское название для вашей книги⁹, вы хотели назвать ее *Der Satz*¹⁰. Это потому, что вы считаете свою работу исследованием природы утверждений, в частности, условий, при которых цепочка слов (то, что вы называете *Satzzeichen*) не составляет подлинного утверждения, и является бессмысленной. Важность этого исследования, с моей точки зрения, состоит в том, что сама философия полна таких озадачивающих псевдоутверждений, маскирующихся под утверждения, и в книге выявляется этот факт¹¹.

Витгенштейн: Это верно.

Мур: Есть и другие ошибочные утверждения – что существуют тавтологии и противоречия. Они в определенном смысле важны, из-за их отношения к значимому выводу (*Трактат* 6.12 – 6.1224), но они не имеют содержания, они ничего не утверждают (5.142, 5.143, 6.121). Вы считаете их бессмысленными? (4.461, 5.143)¹².

Витгенштейн: Да, да – я говорил вам об этом 15 лет назад.

⁷ *Трактат*. С. 4 (здесь и далее цитируется по изданию «Людвиг Витгенштейн. Философские работы. Часть 1. Москва. Гнозис. 1994).

⁸ Подлинная цитата во время экзаменов.

⁹ Напоминание о Богословско-Политическом Трактате Спинозы.

¹⁰ Существует проблема с английским переводом термина *Satz*. В большей части *Тракмата* лучше всего переводить этот термин как «утверждение». *Satz* есть *Satzzeichen* (*perceptible sign*) – например, написанное предложение, использованное для того, чтобы сказать, что нечто истинно или ложно. (*Трактат*. 3.1–3.14326 3.5).

¹¹ Достижение в философии ясности через использование точного языка было установлено в качестве цели Фреге и Расселом под влиянием Пеано. Хотя Витгенштейн защищал *Трактат* в июне 1929, уже через месяц он назвал бесполезными *Заметки*, и отказался читать их на встрече 12–15 июля, для которой статья была написана – вместо этого он прочитал статью о бесконечности. Можно гадать, быть может возражения на защите заставили Витгенштейна взять серьезную паузу, или же он стал сомневаться (сомнения он сумел подавить на защите), и эти сомнения уже были видны на ранних стадиях его философствования.

¹² Тавтологии и противоречия объявляются Витгенштейном бессмысленными, хотя они не похожи на псевдофилософские утверждения или неграмматическое нагромождение слов (4.461, 4.4611). Р. Карнап был высокого мнения о *Трактате*, говоря, что убеждение, что традиционная концепция тавтологии состоит в трактовке ее как в высшей степени обобщенной истины о мире – ошибочно.

Мур: Вспоминаю. Когда вы попросили меня навестить вас в Норвегии в конце зимы. Вместо приветствия «Как дела Мур, как мило, что вы навестили меня», вы начали с того, что сказали: «Логика так называемых суждений *показывает* логические свойства языка, и, следовательно, вселенной, но не *говорит* ничего». Это очень странное утверждение в качестве приветствия.

Витгенштейн: Это верно, а что? Фундаментальная мысль *Трактата* состоит в том, что некоторые вещи не могут быть высказаны, но могут быть показаны. Мы используем предложения как картины реальности, истинные утверждения показывают возможные состояния дел (3.001, 3.1–3.1432, 4.01). Тавтологии и противоречия не являются картинами реальности; они не представляют возможных состояний дел (4.462), и они ничего не говорят (6.11), но они *показывают* формальные свойства языка и мира (6.12). Они не показывают реальность, и не являются ни истинными, ни ложными.

Мур: Ну, я теперь могу понять, почему вы не хотите считать противоречия ложными. Вы говорите, что противоречие ничего не говорит *a fortiori*, оно не говорит ничего ложного, и поэтому не может даже называться утверждением. Но ситуация с тавтологией совсем другая. В вашей собственной системе истинностных таблиц, тавтология *истинна* во всех возможных ситуациях. И вы даже говорите, что истинность тавтологии достоверна (4.464), и может быть распознана уже из одного лишь символа (6.113).

Витгенштейн: Не путайте две эти вещи. Тавтологии и противоречия совершенно отличны от существенных утверждений. Они образуют логический остров¹³. Позвольте мне напомнить вам, что в тексте я утверждаю, что каждое утверждение имеет смысл, (4.064), и затем утверждаю, что тавтологии и противоречия не имеют смысла. Вы можете сделать вывод, что тавтологии не являются подлинными утверждениями. То же самое заключение может следовать из пары тезисов – что утверждение есть картина реальности (4.01), и что тавтология и противоречия не есть картины реальности (4.462). Поэтому вы видите, что я придерживаюсь взгляда, что тавтологии не являются *bona fide*

¹³ Термин «логический остров» принадлежит Гичу, который отрицает, что для Витгенштейна тавтологии таким образом изолированы. В поздних работах Витгенштейн пришел к мысли, что форма слов не может быть объявлена бессмысленной априори. Есть контексты, в которых утверждения, противоречивые по форме, могут быть использованы для того, чтобы делать истинные или ложные утверждения.

утверждениями, — они не имеют смысла, и поэтому не могут быть истинными.

Рассел: Позвольте мне кое-что зачитать. (*Рассел вытаскивает письмо из кармана и читает*):

Либо моя рукопись представляет работу высочайшего ранга, или же это не так. В последнем случае (более вероятном) я не смогу быть напечатанным. А в первом случае неважно, когда она будет напечатана, через двадцать или сотню лет. В конце концов, кто интересуется, когда Кант написал *Критику чистого разума?*» Это напоминает вам что-нибудь? Это из письма, которое вы написали мне 9 лет назад, в котором вы говорите, что «аргумент кажется мне непроверяемым». ¹⁴ Но вы заметите, что уже первая ваша посылка этого «неопровержимого аргумента» есть ничто иное, как тавтология. Поэтому на самом деле вы говорите мне, что ваш «неопровержимый аргумент» бесполезен, потому что его посылка не имеет смысла?

Витгенштейн: Мне нечего ответить на этот вопрос.

Рассел: Ну, вероятно, у вас есть ответ на такой вопрос: когда все-таки была написана *Критика чистого разума?*

Витгенштейн: Она была опубликована в 1781 году — вы превосходно знаете это.

Рассел: 1781 год... А не родился ли в этом году один известный философ?

Витгенштейн: Что вы имеет в виду?

Рассел: Я полагаю, вы знаете, кого я имею в виду. Бернхард Больцано родился в этом году. Я сам долгое время восхищался Больцано; вы знаете, что я использовал его трактовку понятия бесконечности из *Paradoxien des Unendlichen* в моих *Принципах математики*. Вы также должны восхищаться им, учитывая степень заимствования у Больцано, точнее ваш плагиат в его отношении. Я не знаю, читали ли вы его сочинения, или же вы знакомы с ним из вторых рук, из школьного учебника Циммермана *Философская пропедевтика*, но вам определенно помогли его сочинения: что суждение имеет уникальный анализ (3.25), или тезис о том, что необходимость является логической (6.375). Классификация тавтология \ противоречие \ контингентность принадлежит Больцано, как в его теории вероятностей, которую вы принимаете (5.152), так и в его определении логического следования (5.12–5.122).

¹⁴ Это письмо было написано, когда Витгенштейн встретился с трудностями в опубликовании *Трактата*.

Даже в деталях, ваш оператор отрицания N (5.502) принадлежит Больцано, и это же относится к понятию переменного предложения, получаемого превращением конститuentы (*Bestandteil*) предложения в переменную (3.315).

Витгенштейн: Да, я использовал некоторые идеи Больцано. Но я настаивал в предисловии к моей книге, что излагаемое мною не имеет характера новизны в деталях. . .

Рассел: Тут речь идет не о *деталях*, а о центральном вкладе в вашу конструкцию, и совсем не принято так сильно использовать идеи других авторов, не указывая их происхождения. Вы говорите, что вы не претендуете на новизну, но правила о диссертациях в Кембридже ясно говорят. . .

Мур: (*торопливо шепча Расселу*) Не упоминайте при нем о правилах; он пошлет вас к черту¹⁵. (*Обращаясь к Витгенштейну*): Вы только что сказали нам, а также писали об этом Расселу, что главное положение вашей диссертации касается логической доктрины того, что может быть показано, но не сказано – вы назвали это кардинальной проблемой философии (5.2–5.441, 5.46–5.47), а Энгельману вы сказали, что ваша книга посвящена этике. В предисловии к книге вы говорите, что весь смысл книги состоит в том, что «То, что можно сказать, надо сказать точно. О том, о чем нельзя сказать, нужно умолчать». И в то же время вы говорите, что ваша фундаментальная мысль состоит в том, что логические константы не репрезентируют (4.0312). У вас большая путаница по вопросу о главном содержании книги. Можете ли вы объяснить мне эту «фундаментальную мысль» о том, что логические константы не являются репрезентациями?

¹⁵ Во время своего первого визита в Норвегию Витгенштейн составил *Логику* и написал Муру, может ли он представить ее в качестве диссертации. Когда Мур ответил, указывая, что это возможно, но должны быть выполнены определенные правила, Витгенштейн ответил ему очень милым письмом:

«Ваше письмо рассердило меня. Когда я писал *Логику*, я не учитывал ваших правил, и, следовательно, было бы только справедливо, если бы вы дали мне степень без консультации с правилами. Что касается *Предисловия* и *Заметок*: Я полагаю, что мои экзаменаторы легко увидят, как много я украл у Бозанкета – Если я не достоин того, чтобы вы сделали для меня исключение, *даже в некоторых ГЛУПЫХ деталях*, тогда я могу прямо идти к черту; а если я достоин степени, а вы не дадите мне ее, тогда и вас можно послать туда.»

Мур решил не отвечать на этот сумасшедший выпад – не он писал правила, и не в его силах было изменить их, – и он избегал дальнейших контактов с Витгенштейном. На самом деле, оба возобновили отношения, случайно встретившись в поезде, через несколько минут после защиты диссертации.

Витгенштейн: Да. Два доказательства даны в книге (5.2–5.441, 5.46–5.47), но я могу объяснить теорему просто, без использования техники. Рассмотрим операцию конъюнкции. Если я верю, что ваша жена положила рубашку и носки в ящик шкафа, я мог бы сказать «В ящике шкафа есть носки, и в ящике шкафа есть рубашка». Тогда для каждого предложения – конъюнкции, есть соответствующее возможное состояние дел, а именно, пребывание рубашки в ящике и пребывание носков в ящике. Но нет никакой возможной ситуации, соответствующей «и»; и слово «и» ничего не репрезентирует. В ящике нет носков, рубашки и «и». То же самое приложимо, конечно, к импликации и дизъюнкции. Я могу сказать «Дом Рассела находится на улице Трампингтон, или же его дом находится на Кавендиш Стрит», и если один из членов дизъюнкции истинен, тогда это утверждение будет соответствовать сложному состоянию дел в мире. Но это не означает, что слово «или» обозначает какой-то объект в мире. Как бы ни старался Рассел, он не найдет «или» на улицах Кембриджа, никто не положит «и» в ящик миссис Мур.

Рассел: Все это так – но это вряд ли новая идея. Средневековые логики различали категорематические выражения, которые стоят для чего-то, и синкатогорематические, которые ни для чего не стоят, и это различие появляется у многих других авторов. Например, оно есть в явном виде у Джона Локка. . . .

Витгенштейн: Какого Джона?

Рассел: Локка – он был знаменитым философом XVII века.

Витгенштейн: А-а¹⁶.

Рассел: Нам, вероятно, лучше перейти к другой теме. Основная тема вашей книги состоит в том, что мы можем избежать философской путаницы и парадоксов, если примем ясную нотацию. Я знаю также, что вас долгое время интересовал открытый мною парадокс, и я помню, вы говорили мне, что размышление над ним привело вас к философии, и когда вам было только 18 лет, вы предложили Журдену решение парадокса. Вы полагали, что от парадокса легко избавиться, если вы вооружитесь ясной нотацией, и вы уделяете моему решению очень мало места в книге (3.331–3.333). Ключ к решению проблемы состоит в том, что функция не может быть

¹⁶ Случаям незнания Витгенштейном классических философов, или же неприятия их – имя легион. Он не прочитал ни строчки из Аристотеля, и однажды заметил, что ни один ассистент философии не читал меньше, чем он. Он говорил, что не читал Юма, потому что для него это сплошная мука.

своим собственным аргументом, потому что они принадлежат различным типам.

Витгенштейн: Да, точно, – аргумент, хотя в этом случае сам является функцией, имеет отличный тип от функции.

Рассел: Но разве это не моя теория типов?

Витгенштейн: Нет, в вашей теории вы говорите, что эти две вещи имеют различные типы, но в моей теории это не может быть сказано, – то, что они принадлежат различным типам, *показывается* в символах.

Рассел: Но как вы можете говорить, что вы не можете сказать, если вы только что сказали это?

Витгенштейн: Вы не можете; вы не можете сказать этого.

Рассел: Что? Вы имеете в виду, что я не могу сказать, а вы можете?

Витгенштейн: Нет, и я не могу. Когда я говорил в прошлый раз, я строго говоря, говорил бессмыслицу.

Мур: Слушайте, Витгенштейн, мы здесь не для того, чтобы слушать, как вы несете бессмыслицу.

Витгенштейн (в бешенстве): Слушайте, я имею в виду, что это бессмыслица, но это полезная бессмыслица. Есть определенные вещи... я произношу их, и они имеют смысл... но они на самом деле не... я не могу выразить их¹⁷.

(Рассел начинает свистеть).

Мур (Расселу): Как вы думаете, что вы делаете?

Рассел: Он говорит, что не может сказать этого, и что мы не можем сказать этого, и я решил, что я смогу просвистеть это¹⁸.

(Рассел и Мур хохочут, но...)

Витгенштейн (стуча костяшками по столу): Это невыносимо.

Мур: Ну, я хочу сказать, что я тщательно пытался понять ваши взгляды по этому поводу, но я все еще считаю их таинственными.

¹⁷ Витгенштейн, судя по всему, придерживался взгляда, что бессмыслица является результатом «стремления нарушить пределы языка», активности, которую он идентифицирует с этикой, активности, которая имеет ценность, несмотря на то, что он полагает «важным положить конец всем дешевым трюкам в этике». Он говорит, что «склонность идти против чего-то, *указывает что-то*. Уже Св. Августин знал это, когда он говорил «Так ты, свинья, не хочешь говорить бессмыслицы? Иди, и говори бессмыслицу, она не имеет значения». Эти мысли Витгенштейна были записаны Вайсманом после разговора с Витгенштейном в декабре 1929 года.

¹⁸ Рамзей сказал, что того, что мы не можем сказать, мы не можем сказать, и не можем просвистеть этого.

Лежащая в основе идея состоит в том, что поскольку после Гегеля философы не считают мир противоречивым или парадоксальным, точный язык, структура которого отражает структуру мира, гарантирован от противоречий и парадоксов. И все же такой разговор – «структура мира» и правильный синтаксис «отражения» или «изображения» – все это кажется мне в высшей степени метафорическим и неудовлетворительным¹⁹. А идея, что ваш символизм лежит под поверхностью, или же превосходит наш повседневный язык (4.003),²⁰ насколько я могу понять ее, выражает того же рода благочестивый оптимизм, что сам символизм покажет, что такие философские загадки как парадокс Рассела, являются бессмысленными. Я нахожу, что все это сбивает с толку. Но все это дело с тем, что если что-то не может быть сказано, но может быть только показано, значит для вас много. Не заключается ли ваша теория в том, что религия, этика и эстетика столь разочаровывают нас, потому что мы пытаемся говорить о том, что по своей природе невыразимо? Действительно ли именно это обстоятельство лежит в основе вашей теории?²¹

Витгенштейн: Нет, невыразимость этики есть следствие теории. Сама теория касается логического синтаксиса. Это решение проблемы Фреге относительно концепции выражений, которые являются субъектами предложений, и которые стоят для объектов вопреки тому факту, что как концепции-выражения они должны стоять для концепций.

¹⁹ [Витгенштейн сам позднее пришел к мысли о ясности метафоры. Норман Малькольм вспоминает такую историю: «Витгенштейн и П. Сраффа, лектор по экономике в Кембридже, спорили много по поводу идей *Трактата*. Однажды, в поезде, когда Витгенштейн настаивал на том, что суждение и то, что оно описывает, имеет одну и ту же «логическую форму», ту же самую «логическую множественность», Сраффа сделал жест, знакомый неаполитанцам как жест презрения или отвращения, почесав подбородок расставленными пальцами одной руки. И затем он спросил: Какова логическая форма *этого*? Пример Сраффы привел Витгенштейна к ощущению, что абсурдно настаивать, что суждение и то, что оно описывает, имеет одну и ту же форму.

²⁰ Я заимствую эту формулировку от *Dale Jacquette*, недавнего комментатора, который, кажется, принимает метафоры без всякой растерянности, и также считает, что логический символизм Витгенштейна «автоматически гарантирует» защиту против парадокса Рассела. В более поздних сочинениях Витгенштейн отвергает понятие логической структуры, скрытой за поверхностью обыденного языка.

²¹ Сам Мур питал симпатию к таким взглядам. Его собственная позиция в *Принципах этики* состоит в том, благо действия может быть предметом интуиции, но само невыразимо.

Мур: Но не является ли это неизбежным следствием фрегевской теории? Ничто не запрещает нам использовать выражения типа «Концепция лошади» в качестве субъекта предложения, так что если вы принимаете (а вы так и делаете (3.318)) анализ Фреге структуры предложений на функцию и аргумент, стоящих соответственно для концепции и объекта, а также то, что сингулярный термин типа «концепция лошади» может быть аргументом функции, тогда вы обязаны сказать, если строго интерпретировать вашу доктрину, что концепции являются объектами – что подрывает саму теорию. Именно по этой причине Фреге просит читателя не интерпретировать его строго, и отнестись к этому скептически.

Витгенштейн: Концепция *концепции* является формальной концепцией, и следовательно, не может играть той же самой роли в утверждении, какую играет сама концепция (4.126). Поэтому предложение Фреге «Концепция *лошади* есть концепция» есть псевдопредложение (4.1272).

Мур: Предположим, что я просто сказал: «Концепцию *лошади* нетрудно понять». Для объекта стоит определенная дескрипция, и поэтому весьма озадачивает заключение, что концепция *лошади* является не концепцией, а объектом.

Витгенштейн: Вы не можете даже использовать фразы «Концепция *лошади*» – вам это не позволено логическим синтаксисом.

Мур: Но я хочу сказать, что нетрудно понять концепцию *лошади*, потому что я полагаю это истинным.

Витгенштейн: Но вы не можете сказать это.

Мур: Тогда вы не можете сказать большей части вещей, которые вы хотите сказать в своей книге.

Витгенштейн: Я знаю. Не беспокойтесь, я знаю, что вы *никогда* не поймете этого.²²

Мур: Я полагаю, что я понял вполне хорошо, что для того, чтобы избежать тех проблем, что ваша теория разделяет с фрегевской теорией, вы постулируете невыразимость множества вещей, которые говорятся обычными людьми вроде меня. Заявить, что нечто есть формальная концепция, это просто поименовать проблему, а не решить ее.

(Витгенштейн выглядит озадаченным, чувствует себя неприятно задетым, но ничего не отвечает).

²² Эта фраза была произнесена на действительной защите. Витгенштейн сказал эту фразу, отечески положив руки на плечи экзаменаторов.

Рассел: Можем ли мы обратиться к другой теме, которая спроводировала множество дискуссий за последние полвека: определение числа. Теория, которую вы предлагаете, насколько я знаю, является новой. Вы говорите, что число есть показатель операции (6.021); показатель указывает, сколько раз выполняется операция.

Витгенштейн: Правильно. Не делайте ничего (0 раз) с x , и он останется прежним. Делайте с x что-нибудь, что вы уже делали с ним n раз, и вы сделали это с ним $n + 1$ раз.

Рассел: Так что главное понятие в этих определениях – это повторение операции n раз?

Витгенштейн: Да.

Рассел: Но ясно, что определить $+ 1$ в терминах повторения операции не очень полезно, так как повторить операцию, значит сделать ее еще один раз, так что определение является круговым.

Витгенштейн: Я никогда не задумывался об этом²³.

Рассел: Вероятно, вам надо подумать об этом. (*Муру*) У вас есть еще вопросы?

Мур: Нет, благодарю. (*Мур начинает писать на листке бумаги*).

Рассел (Витгенштейну): Это конец экзамена. Вы можете идти.

Витгенштейн уходит.

Рассел: Ну, мы спрашивали его по поводу центральных доктрин его книги, и обнаружили, что он не способен адекватно защитить их. (*Мур перестает писать*). Я упоминал Больцано, но легко мог бы привести и других, у кого он заимствовал свои идеи, не признавая этого²⁴, а я считаю это серьезным делом. Он определенно не одобрил бы пла-

²³ Начиная с 1929 года, Витгенштейн говорил, что искать определение числа – значит проявлять непонимание, и он критиковал Рассела за такие попытки.

²⁴ (Витгенштейн признавался в своей записной книжке в 1931 г.: «Я не верю, что изобрел что-нибудь в области мысли, я всегда заимствовал у кого-нибудь. Я просто набрасывался на это с желанием прояснить уже написанное. Именно таким образом Больцманн, Герц, Шопенгауэр, Фреге, Рассел, Краус, Лус, Вайнингер, Шпенглер и Сраффа повлияли на меня», пассаж, в котором Витгенштейн считает отсутствие оригинальности чертой евреев – вероятно, тех евреев в вышеупомянутом списке, чьи идеи Витгенштейн считает заимствованными у неевреев! (Есть множество подобных антисемитских глупостей, рассеянных по дневникам Витгенштейна в 1931 году, но после этого года они исчезают). Даже литературный стиль Витгенштейна заимствован, во многом взят у Гете и Лихтенберга. Фон Вригт пишет «Автор, напоминающий стиль Витгенштейна, – это Лихтенберг. Следует упомянуть, что некоторые из идей Лихтенберга по поводу философских вопросов поразительно сходны с идеями Витгенштейна. Почему фон Вригт изложил все дело в обратном порядке, – ведь Лихтенберг жил за двести лет до Витгенштейна – я не знаю.

гиат в отношении себя²⁵. Мы должны представить наше заключение, и что вы думаете по этому поводу?

Мур: Я уже написал решение. (Читает свою запись). «Некоторые люди полагают, что диссертация м-ра Витгенштейна представляет собой работу гения; но даже если это и так, она определенно не удовлетворяет требованиям, предъявляемым в Кембридже к докторским диссертациям по философии²⁶.

²⁵ Я узнал от Майкла Недо, что в разговоре со Шликом, Витгенштейн сильнейшим образом жаловался на плагиат Карнапа. Витгенштейн сказал Шлику, что человек должен быть тщательным в упоминании других людей в качестве источников своих взглядов, (как это делал Шлик), или же вообще не заботиться о том, чтобы цитировать их, и это была практика его самого (Витгенштейна). Но что морально неприемлемо, так это выборочное цитирование.

²⁶ На самом деле, Мур написал «Мое личное мнение, что работа м-ра Витгенштейна гениальна; но даже если это и так, она определенно удовлетворяет требованиям, предъявляемым в Кембридже к докторским диссертациям.» Общее мнение состоит в том, что *Трактат* есть образцовый труд с некоторыми изъянами. Тем не менее, мое мнение, что если бы на современников не повлияла в такой степени личность Витгенштейна, и если бы диссертация судилась по обычным стандартам оригинальности и качества философской аргументации, защита определенно провалилась бы. Витгенштейн был в свои двадцать лет глуп по самые уши (хотя и дал интересные идеи в логике). Впоследствии, после многих лет борьбы со своими личными пороками, и против наивных незрелых концепций, изложенных в *Трактате*, он пришел к воистину великим и оригинальным мыслям. Я согласен с мнением М. Даммита, что «Всякий, способный к осознанию глубокой философии, открыв *Философские исследования*, поймет, что это работа гения».